

РОССИЯ ПРАЗД- НИЧ- НАЯ

НА
ВЫСТАВКЕ
В. КУСТОДИЕВА

Портрет Шалаяпина.
Рисунки.

ПРОИСХОДИЛ этот разговор давно. Мне довелось присутствовать при этом разговоре: Борис Михайлович Кустодиев был в гостях у писателя Гиляровского, московского «дяди Гиляя», квартиру которого в Столешниковом переулке знала вся художническая, вся писательская Москва, и очень ярко, увлеченно он говорил о том, что дорого ему, художнику, в русской жизни, в русских обычаях, русских нравах, в натуре русского человека.

— Не знаю, удалось ли мне сделать и выразить в моих вещах то, что я хотел, — любовь к жизни, радость и бодрость, любовь к своему, русскому, — это было всегда единственным «сюжетом» моих картин...

Примерно так говорил тогда Кустодиев, как и писал он это позднее, и то давнее живое его слово вновь для меня явственно звучит на выставке его искусства, устроенной сейчас в Академии художеств.

Он был художник праздничный в своей увлеченности Россией, и праздничная в его ис-

кусстве Россия. Молодецкая, нарядная, по-народному цветастая и по-народному веселая. Веселая! Это слово более всего под стать искусству Кустодиева. Он любил оживленность, многоцветье гуляний на масленицу и разудалое катание на тройках — любил все это писать, любил повторять своей кистью краски нарядов в толпе, платки и платья щеголих и узоры на расписных дугах, и затейливость куполов где-нибудь в провинции, в уездном городке; любил колоритные, истинно русские лица и типы. Любил русскую зиму — искристую, морозную, цветную, с голубыми снегами и пламенными закатами. Любил палисаднички с сиренью и сцены чаепития — по-русски, за самоваром, чтоб блюдечко на растопыренных пальцах... Ушло все это — и ярмарочные гулянья, и расписные дуги, и даже чай теперь так не пьют — с блюдечка, под сиренью, но почему такое живое для нас искусство Кустодиева? Неужто примечательно оно только своей российской экзотикой — той жизнью, кото-

рая с новыми поколениями ни в чем и никак не связана? Нет, в том-то и дело, что искусство Кустодиева дает не в пример большее, чем «экзотику» старого быта,

Большее — дает влюбленную приверженность художника к миру русской поэтической стихии, то глубокое и проникновенное понимание красоты своего народа, которое излито в его искусстве в образах праздничных. Россия — праздник, праздник на Руси, праздник русского человека — вот искусство Кустодиева.

Он был сияюще увлеченный жизнью художник. Но он мог быть и строго внимателен к нравственному облику людей, которых любил, — так появлялись в его искусстве превосходные, серовской точности взгляда портреты. Он мог быть пошляпински удалым — так написал он портрет великопного Шалаяпина. Он мог быть и саркастичным, и гневным — так в годы первой русской революции рисовал Кустодиев карикатуры на правительствен-

ных сановников, благо насмотрелся на них, когда помогал своему учителю Репину писать «Государственный совет», и он славил путиловцев, идущих демонстрацией с рабочих окраин.

Свое праздничное ощущение духовных сил народа он принес в советское искусство, в советскую новую тему. Как мощно шагает его великан Большевик с красным флагом — словно это в представлении тех лет шагает сама история! А какой краснофлажный, солнечный праздник на Дворцовой площади написала его кисть в честь II Конгресса Коминтерна! Среди многих и многих написанных им «праздников», быть может, это самый праздничный у него «праздник». Его последней работой был начатый триптих «Радость труда и отдыха», который посвящался десятилетию Октября... Он таким и вошел в искусство России, в советское искусство — художником радости на родной земле.

В. ЛОБАНОВ,
член-корреспондент Академии
художеств СССР.

Сев. культура, 1963, 25 марта